

♦ Глава рода Буэндиа, потомок креола, бежавшего вглубь боливийской сельвы с побережья страны после обстрела их городка из пушек «пирата ее величества» Фрэнсиса Дрейка, в затерянном селении знакомился с достижениями цивилизации только от цыган, иногда забредавших в эту глушь в своей неумяемой страсти к вековечному странствованию по всему свету. В очередной приход табора охочий до знаний Буэндиа приобрел у курчавых мировых скитальцев оборудование алхимической лаборатории и рецепт «философского камня» — по многократному увеличению в весе золотой затравки. Лестью и многими упрасиваниями он убедил свою жену Урсулу отдать ему для опытов тридцать старинных золотых из ее приданого, из поколения в поколение передающегося... Понятно дело, золото испанских монет превратилось у начинающего естествоиспытателя сначала в прикипевшую к дну кастрюли коросту, а затем в серую золу, которую старший сын назвал свинячим дерьмом, за что и получил от отца увесистый удар в лицо.

...Но подлинным словесным золотом латиноамериканской сельвы стал роман Маркеса «Сто лет одиночества» о роде Буэндиа из затерянного, оторванного от всего мира селения Макондо, вышедший в свет в 1967 году. А когда четыре года спустя издательство «Художественная литература» опубликовало его на русском языке, роман Маркеса уже был мировым явлением двадцатого века...

Живо, как будто это вчера было, помню то первое прочтение романа: прежде всего — язык. Оно понятно — художественное произведение в переводе — это, говоря словами Валерия Брюсова, «фиалки в тигле». Правда, у него речь шла о переводе стихов, но ведь проза Маркеса, или нашего Андрея Платонова, к примеру, есть та словесная вязь образов, что звучит поэзией без рифмы и самодовлеющего ритма. Но к этому мы еще вернемся как *ipso facto**.

Творчество Маркеса, опять же *ipso facto*, извиняемся за навязчивый «латинизм», стало вершиной того айсберга, который в литературоведении, да, впрочем, в сознании самодостаточно мыслящих знатоков и просто любителей художественной словесности, устойчиво именуется феноменом латиноамериканской литературы XX века, а точнее срединной трети этого века. Это как на рубеже веков и до 1920-х годов миру были явлены феномены русского Серебряного века — в основном поэтического — и норвежской литературы во главе с Кнудом Гамсуном и его нобелевским романом «Голод».

Еще раз оговоримся: Маркес, точнее его «Сто лет одиночества», есть лишь вершина айсберга — феномена латиноамериканской литературы. Не менее прочна и основа; назовем только наиболее известные имена: кубинца Алехо Карпентьера, чи-

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

лийского «сына селитры» Пабло Неруду, гватемальца Мигеля Анхеля Астуриоса, Хулио Кортасара с его знаменитым романом «Игра в классики» из Аргентины, «идеологически» непризнанного во времена СССР аргентинца же Борхеса... Второй романский язык Латинской Америки, португальский, всему миру представлен творчеством Жоржи Амаду. Кстати говоря, по принципу «обратной связи», характерному не только для точных наук, но в полной мере и для движения социальной эволюции, феномен литературы «падчерицы Европы» Латинской Америки в какой-то степени соотносится и с заметным оживлением материнской литературы Испании: писал уже восьмой десяток своих исторических романов патриарх Бенито Перес Гальдос (1943—1920); в первой половине XX века взошла литературная звезда Франсиско Аялы; наконец, это выдающийся испанский поэт, продолжатель традиционного в средневековой испанской поэзии жанра барокко — романсеро (основоположник Луис де Гонгора и Арготе, 1561—1627) Федерико Гарсиа Лорка. Это соотношение иначе как духовным и не назовешь: как близкородственные люди, что называется «на расстоянии», чувствуют и сопереживают беды или радости друг друга...

В романе Маркеса это романское духовное единство характерно и символично показано на примере главы рода Буэндиа: его, обезумевшего, привязывают к дереву напротив входа в дом, и он дни, месяцы и годы сидит на скамейке под навесом — от дождя и солнца — из пальмовых листьев и брезента, забыв испанский язык и только порой разговаривает сам с собой на ином наречии, не понятном никому из жителей Макондо. И только ново назначенный в городок священник обнаруживает, что безумец говорит на латыни; видимо, его отошедшее от реальной жизни подсознание вернулось к мышлению на языке пращуров двухтысячелетней давности...

Итак, феномен литературы вообще, латиноамериканской в частности и в *особенности*, без определения которого сложно понять творчество Маркеса... тем более, появление «Ста лет одиночества» — редкостного и исключительного бриллианта этого феномена. Ранее в своих эссе* о Кнуте Гамсуне и Игоре Северянине мы уже говорили об истоках таких «литературных взрывов». Причем им обычно сопутствуют и достижения в части музыки, живописи, пластических искусств. Самый грандиозный феномен история дала человечеству в эпоху Возрождения... Но все же главным задатчиком процесса всегда является именно художественная литература. Скорее всего, по двум <онтологически обусловленным> причинам: практически нулевая (бумага и перо) материальная составляющая творческого процесса — ни тебе концертных залов, органов, живописных мастерских и балетных театров... — и, что немаловажно в части несовершенства творческих школ и традиций, самодостаточность индивидуальной творческой одаренности, особенно в жанрах беллетристики и поэзии — поэтами не становятся, ими рождаются... Эта самоочевидная истина не требует комментариев и доказательств.

Как уже говорилось в упомянутых эссе о творчестве Гамсуна и Северянина, взрыв, феномен, а языком науки — бифуркация в области культуры есть следствие всплеска в конкретном этносе, то есть стране, группе стран с этногенетическим единством пройденного исторического пути, той же культуры и языка, *пассионарности*; термин этот введен в мировой тезаурус нашим выдающимся ученым, создателем науки этногенеза Львом Николаевичем Гумилевым, сыном не менее выдающихся русских поэтов Серебряного века Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Подчиняясь

* Яшин А.А. Песня Сольвейг и бригаитийское сказание: Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы рубежа XIX и XX веков // Приокские зори. — 2014. — № 3. — С. 3—10.

Яшин А.А. Он лихо носил корону короля поэтов (Литературный фон творчества Игоря Северянина) // Приокские зори. — 2017. — № 2. — С. 3—13 (в электронном виде см. на сайте журнала «Приокские зори»: www.pz.tula.ru)

сложнейшим законам социальной эволюции человечества, пассионарность волнами проходит весь десяти тысячелетний период цивилизации и культуры по континентам Земли, подвигая те или иные этносы и их группы на подвиги, озарения и великие свершения. Отсюда и рассматриваемые нами литературные взрывы, привносящие нации, этносу и всему человечеству феномены художественно оформленной мысли. При всем при этом все творчества и искусства *лишь следуют* за волной пассионарности, охватывающей все стороны материальной и духовной жизни этноса. Иногда же опережают основную волну (предчувствие), чаще — отстают (последствие). Это как метеочувствительный по физиологии своего организма человек реагирует на магнитную бурю или иные катаклизмы природных стихий «до» или «после». Это большинству людей хорошо знакомо, что называется, «на себе»...

Поскольку сейчас литературоведческие очерки и эссе читают, в основном, те, кто получил образование в советских школах и вузах, то есть не «люди компьютерного мышления»*, но знающие мировую историю и культуру, воспитанно способные к анализу явлений и фактов социальной эволюции, то, «не растекаясь мыслью по древу», скажем кратко *in summa*:

— основной движитель пассионарного процесса в Южной Америке — это обретение в XIX веке «боливарианской» независимости от Испании, а в Бразилии от Португалии;

— воспоследующий пассионарному взрыву литературный «в первую очередь» феномен по преимуществу относится к северо-западной оконечности Латинской Америки — нынешние Колумбия и Боливарианская республика Венесуэла, а также к странам Центральной Америки и Карибского бассейна, как наиболее населенных выходцами из Испании, поддерживающими связь с исторической родиной; в то же время явившимися первым объектом «внимания» североамериканского капитала — «Юнайтед фрут компани» и др.;

— ввиду того, что указанные территории Латинской Америки наиболее активно заселялись испанцами едва не с самых Колумбовых времен (...и Америго Веспуччи тож), то там уже в XIX веке сложилась *исторически* хотя и относительно молодая, но все же испаноязычная культура, плоть от плоти Испании, что сказалось и на литературе;

— наконец, немаловажен тот факт, что базовое для Маркеса, особенно выражено представленное в романе «Сто лет одиночества», литературное направление *магического реализма* обязано во многом этническому составу населения южноамериканских северо-западных стран, Колумбии прежде всего, в которые не было завоза негров-невольников из Африки, в отличие от островов Карибского бассейна и Бразилии; то есть их население суть испано-индейское и креольское (главный «исходный» герой романа Маркеса Хосе Аркадио Буэндиа — потомок креолов), а значит генофенотипический «романтический мистицизм», одинаково присущий этническим испанцам (об этом см. ниже) и индейцам севера южноамериканского континента, взаимно усиливался.

♦ Теперь перейдем к *одиночеству*, как лейтмотиву романа Маркеса, подчеркнутому в самом его названии. Здесь мы позволим себе не во всем согласиться с доводами большинства исследователей творчества Маркеса в данном, превалирующем в творчестве Маркеса, но прежде всего в «Сто лет одиночества», аспекте: одиночество.

* Исследованию сущности и различия аналогового (творческого) и цифрового («компьютерного») мышления посвящена работа: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 10 / Предисл. В. П. Казначеева, В.Г. Зилова и А.И. Субетто.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2014.— 513 с. (В электронном виде см. Интернет — по поисковику).

Обычно в таких исследованиях, а их достаточно число написано на русском языке или доступно в переводе, присутствует оговорка в том смысле, что этот роман так бы и остался — при всей его мировой популярности, обусловленной оригинальным и изобретательным масштабом развертывания сюжета, этнографическим колоритом — выдающимся явлением иносказательного жанра «магического реализма», каковых достаточно число есть во всемирной литературе, если бы не всепоглощающее содержание книги тема одиночества. ...В предисловиях к советской поре издания романа по понятной причине непременно добавлялась и *политическая инвектива*. Конечно, в действии «Ста лет одиночества» все это присутствует: тридцать две войны против правительства, что начал и все их проиграл полковник Аурелиано Буэндия; расстрел почти четырех тысяч забастовщиков из рабочих банановой компании, трупы которых в ста железнодорожных вагонах вывезли на побережье и сбросили в море; наконец, собственно банановая компания янки мистера Джека Брауна, устроившая в Макондо «банановую лихорадку» — ее прототип суть американская «Юнайтед фрут компани», чьей де-факто колонией стали еще в XIX веке все страны Центральной Америки и севера Южноамериканского континента, та же Колумбия.

Вместе с тем автор на сугубой политике акцента не ставит. Тот же полковник Аурелиано Буэндия возглавил борьбу против консерваторов в правительстве на стороне либералов вовсе не из идейных соображений, о чем он сам постоянно в мыслях и в словах держит на протяжении всех двадцати лет развязанной им войны, точнее — всех тридцати двух войн, которые он проиграл, тем не менее став национальным героем своей страны... Просто для латиноамериканских стран указанного выше «бананового пояса» (нефти в Венесуэле тогда еще не добывали и не отправляли ее на прибрежный голландский остров Кюрасао для переработки в бензин) в сто лет действия романа, то есть почти весь XIX век и начало двадцатого, внутренние войны «либералов с консерваторами», расстрелы бунтовщиков и банановые лихорадки были настолько обычным, повседневным делом, что обсуждать их, акцентировать на них внимание, полагалось в общении людей малопримечным. Так и в Макондо расстрел из четырнадцати пулеметов на вокзальной площади без малого четырех тысяч забастовщиков на банановой плантации уже на другой день было забыто — все удовлетворялись официальным заявлением властей: никто ни в кого не стрелял, никаких ста вагонов с уложенными штабелями трупами не существовало...

Да что там тридцать две войны, начатые и проигранные полковником Аурелиано Буэндия с лучшим и преданным своим другом, тож полковником* Геринельдо Маркесом, которого он чуть не расстрелял, о чем позже жалел: в смысле, что не расстрелял... Ничего в той же Колумбии не изменилось в течение всего XX века, да и сейчас в начале двадцать первого. Как в период «ста лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндия в завершении двадцатилетия войн подписал с правительством Неерландское перемирие, отказавшись от президентского ордена Почета и вернувшись в родной дом в Макондо к прерванному войной занятию делать ювелирных золотых рыбок, так и сейчас на телеэкранах мы воочию наблюдаем, как во все той же Колумбии в торжественной обстановке президент страны и руководитель марксистских повстанцев-партизан, носящий имя нашего выдающегося маршала Тимошенко, авторучками, вставленными в гильзы от патронов «калаша», подписывают договор о прекращении пятидесятилетней кровавой войны. В контексте заметим, что у латиноамериканских повстанцев в особой чести имена Иван, Ильич, Ленин и другие. Другой

* Сугубо латиноамериканская традиция, особенно в Центральной Америке и на севере континента: до начала XX века (впрочем и посейчас...) военная служба там не считалась престижной. Поэтому всем офицерам давали звание полковника, а нижним чинам — сержанта. Это делали как правительство, так и противостоящие ему восставшие...

момент: как повстанцы полковника Аурелиано Буэндиа очень напоминали обычных разбойников, мало чем брезгуя, так и современные замирившиеся бойцы Тимошенко, по всей видимости тоже полковника, а быть может и генерала (сам же Аурелиано Буэндиа от генеральского звания наотрез отказался), сражались, не особо обременяя казну СССР, а после его разрушения мировым империализмом и вовсе «перешли на хозрасчет». То есть в районах своего контроля взращивали плантации *Erythroxylon coca*, выражаясь ботаническим языком, гнали из него тонны кокаина, которым заваливали страну дяди Сэма. Выручки с лихвой хватало на покупку оружия и расходных материалов к нему, на обмундирование и армейские пайки, а в части марксистской идеологии — исподволь наркотизировали США, как цитадель мирового империализма... Сейчас и сами Штаты переняли этот опыт: в захваченном ими Афганистане американцы по-отечески благославляют тамошних декхан на посевную опийного мака, а полученная наркота так же отечески направляется на одурманивание населения России, которая всегда и во всем виновата перед «мировым сообществом»: при царях, при генсеках, теперь вот и при президентах...

Словом, ничего нет нового под луной в Колумбии за все столетия ее населения выходцами из Испании,— и вообще в Латинской Америке. Время там, и сейчас в начале нового тысячелетия, идет по кругу. На страницах «Ста лет одиночества» мать шестипоколенного рода Буэндиа, дожившая почти до стапятидесятилетнего возраста Урсула, о таком заикливании биологического, социального времени* твердит постоянно. Оно же, время, и безразмерно.

♦ Конечно, не собственно писательская манера магического реализма, не политический подтекст, давно ставший для Латинской Америки делом скучным и обыденным, не яркий <для европейского читателя> этнографический колорит, не еще с десятков таких «не», принесли роману мировую известность, а самому Гарсиа Маркесу (это его полная — от отца и матери — фамилия) в 1982 году Нобелевскую премию по литературе. И тот факт, что официальная мотивация премии «За романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента», вроде бы и относится ко всему творчеству писателя *in summa*, но де-факто это была премия за «Ста лет одиночества». Да и Нобелевская премия не могла быть вручена только за эту книгу по той причине, что ранее в 1972 году автор уже был удостоен премии Ромуло Гальгоса, что противоречит статусу «нобеля»... Сейчас, по прошествии пятидесяти лет со дня опубликования романа и недавнем (2014-й год) завершении земных трудов его создателя, имя Гарсиа Маркеса все более переходит в очень почетную литературную ипостась «автора одного романа», приближаясь вплотную к столь же почетному рангу его испанского предшественника Сервантеса, автора *одного*, зато какого! — романа о хитроумном идальго Доне Кихоте Ламанчском, хотя бы им были написаны под сотню (!?) других романов, о названиях которых даже матерые литературоведы-испанисты справляются в библиографических изданиях... Так что звание «автора одного романа», приносящее литературное бессмертие, заслужить намного труднее, чем, например, стать фельдмаршалом.

Разгадка всемирной славы и известности — до наших «компьютерных» времен, когда читать книги вовсе перестали — зашифрована автором в самом названии: широко и философски понимаемое *одиночество человека* в современном социуме. Опять же в литературоведении одиночество человека у Гарсиа Маркеса сводят к упомянутой выше философии в части социопсихологии (и социобиологии тож): диалектическое единство и противостояние социальной и сугубо индивидуальной при-

* Исследованию сущности заикливания и безразмерности биологического времени посвящена работа: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Отчет биоэволюционного времени: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 14 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 339 с.

роды при всем нарастающей в Новое, но особо в Новейшее время доминанты последней. И отсюда делается вывод: в романе «Сто лет одиночества», равно как в большинстве других его произведений, одиночество есть общая для всего миропорядка патология, которая своими болезнетворными вирусами разрушает как индивидуальную личность, так и весь социум. Что ж, с одной стороны, это «вписывается» в классическую концепцию, современного в особенности, движения социальной эволюции. В романе индивидуальный аспект — это шесть поколений рода Буэндия, а социальный миропорядок сужен в сугубо художественных целях до отдельно взятой Колумбии, а еще точнее — до обитателей затерянного в сельве городка Макондо. Кстати говоря, на трехстах страницах книги автор ни единого раза не упоминает название страны, тем самым молчаливо, в контексте раздвигая этот гибнущий и прозябающий миропорядок на всю Латинскую Америку...

Но с другой стороны, это слишком общая, диалектическая, как мы не случайно оговорились выше, постановка вопроса раскрытия темы одиночества в романе Гарсиа Маркеса. А раз общая, то и получается что декларативная... Несомненно, что и сам автор «Ста лет одиночества» осознанно усилил эту «диалектическую доминанту». Здесь следует знать биографию Гарсиа Маркеса. Он был вовсе не таким «самородком из сельвы», стихийным писателем художественно-философского первооткрывания «для себя». Вовсе нет; он, как говорится, не в тростниковых обутках и в одежде колумбийского качака с котомкой, в дальнюю дорогу, пирожков — касабэ из маниоки, пританцовывая народную кумбиамбу, явился из сельвы в Скандинавию за своей Нобелевской премией. Гарсиа Маркес был в высшей степени светским человеком, объездил полмира, занимался международной журналистикой — был корреспондентом крупнейших колумбийских газет в Западной и Восточной Европе, а в конце 1990-х годов и вовсе являлся неформальным дипломатом: по просьбе тогдашнего президента Мексики являлся посредником в переговорах Фиделя Кастро и президента Клинтона...

Для его «западной светскости» характерен и такой немаловажный факт: с восторгом приветствовав революцию на Кубе, а еще ранее в 1957 году побывав в Москве на фестивале молодежи и студентов в статусе «певца и танцора» и игрока на гитаре и барабанае, тож восхитившись советской страной, тем не менее, будучи в зените своей славы, он отклонял все приглашения посетить СССР, используя тогдашний унылый «западный лейтмотив», дескать, империя зла, нарушение прав человека <сейчас к ним добавились нарушения прав гомосеков...>, преследование евреев-диссидентов и прочие «песни народностей» (это по Ильфу — Петрову). Был ли здесь своего рода «коммерческий» расчет, что-де его поездка в СССР снизит продажу его книг на Западе, — здесь затруднительно ответить. Но и простаком-бессеребрянником он явно не был. ...Вот и нынешние московские запиаренные «певцы и танцоры» в Крым не едут — в Европу, мол, не пустят на заработки!

Все сказанное выше призвано подчеркнуть: Гарсиа Маркес вполне владел и мастерством — вдобавок к основному мастерству высокой художественности его произведений — так сказать «писательской кухни», потому и подчеркивал тему одиночества в своем знаменитом романе как сугубо *выигрышную* в реноме исконне латиноамериканского писателя. Здесь ничего обидного для имени выдающегося мастера литературного слова нет и в помине. В первую очередь, это программное название книги. Далее — не менее утвердительные последние строки ее: «...*Город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда Аурелиано Бабилонья кончит расшифровывать пергаменты, и что все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится, ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет о д и н о ч е с т в а (выд. нами. — А.Я.), не суждено появиться на земле дважды*».

...И в самом тексте книги слово «одиночество» повторяется не менее тридцати (далее считать не стал...) раз. А Мать клана Буэндия Урсула, когда ей показывали очередного новорожденного в последующих пра-прапоколениях, однозначно определяла принадлежность младенца к их роду по выражению врожденного одиночества на сморщенных их личиках. Заметим, что она же окончательно убеждалась в этой принадлежности, когда ребенок достигал юношеского возраста и в нем проявлялся другой генофенотипический признак Буэндия: у мужчин — огромный детородный орган, а у девушек — неопикуемая красота и устремленность к пожизненной девственности... Здесь также, даже в фаллическом физиологизме и психофизиологизме, символ одиночества: обобщенно понимаемая несовместимость людей с печатью одиночества в половой дифференциации. Это вовсе не дань писателя принятому в западной литературе эпатажу, ставшему во второй половине XX века неизменным ее атрибутом.

Но вещественным же символом одиночества рода Буэндия и всего затерянного в колумбийской сельве городка Макондо стал огромный старинный испанский галион, заросший пальмами и папоротниками, с корабельным корпусом, покрытым гладкой броней из окаменевших за века ракушек. Самое поразительное — галион находился в двенадцати километрах от моря, «пенного, грязного, серого как зола». И глава рода Хосе Аркадио Буэндия, предпринявший попытку установить связь основанного им в глухой сельве Макондо с внешним миром, наткнувшись на «сухопутный» галион, все понял: *«Казалось, что это сооружение находится в каком-то своем, отграниченном пространстве — в заповеднике одиночества и забвения, куда не имеют доступа ни время с его разрушительной силой, ни птицы с их гомоном и суетой».*

Второй раз символ-галион всплывает в романе, когда началась банановая лихорадка, а плантации бананов протянулись на месте бывшей сельвы столь далеко, что с высокого места в Макондо можно было, глядя в направлении вечной сухопутной стоянки древнего корабля, увидеть то самое пенное, грязное и серое море... Вроде как и к морю путь открыт, до Макондо построена железная дорога, но все одно одиночество осталось таковым для рода Буэндия и всего городка. Никакие «Юнайтед фрут компани» не снимут эту вуаль одиночества — скорее, наоборот.

И, наконец, Гарсиа Маркес завершающим аккордом, то есть своей нобелевской речью *«Одиночество Латинской Америки»*, программно утвердил истоки одиночества как лейтмотив основной своей книги.

♦ Гарсиа Маркес в романе почти не касается коренных обитателей Южной Америки — индейцев, то есть все герои книги потомки испанцев. И сама Испания незримо присутствует в романе, причем так явственно, органично, но не подчеркнута, как, например, в родовой памяти и преданиях «старины глубокой» любой семьи контекстуально, если так можно сказать, как само собой разумеющееся, присутствуют образы и тени далеких пращуров. «Память отцов», как определил такое качество выдающийся русский философ-космист Николай Федорович Федоров... Здесь и воспоминания Урсулы о пиратах Фрэнсиса Дрейка, обстреливающих побережье тогда еще испанской Америки. И испанские золотые дублоны — самая твердая валюта за весь период длениа «ста лет одиночества» семьи Буэндия и городка Макондо. Уже упомянутый старинный испанский галион. А среди персонажей романа и ученый каталонец, покинувший Испанию из-за тамошних войн и революций и не придумавший ничего лучшего, как открыть в глухом городишке Макондо книжную лавку с ... инкунабулами и первыми изданиями древних трактатов. Только к моменту исчезновения с лица земли Макондо у него появился единственный покупатель — последний из рода Буэндия Аурелиано, которому понадобился санскритский словарь. И так далее даже в именах ассоциативная связь с далекой родиной. Амаранта Буэндия, когда с ней по вечерам приходит ее несостоявшийся жених полковник Геринальдо Маркес,

с детства лучший и верный друг полковника Аурелиано Буэндия, проводит время «в обществе этого воина с грустным, поэтическим именем». Опять же незримая Испания: Геринальдо — герой испанского народного романса, паж, которого полюбила дочь короля...

Даже полагающийся чисто латиноамериканским обычай матерей посылать своих незамужних дочерей к прославленным героям войн и революций с тем, чтобы они родили сыновей — будущую гвардию этих героев, пришел по всей видимости из Испании со времен почти тысячелетней войны с маврами. Так и романе Гарсиа Маркеса: «*Полковник Аурелиано Буэндия поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл. У него было семнадцать детей мужского пола от семнадцати разных женщин, и все его сыновья были убиты один за другим в одну — единственную ночь, прежде чем старшему исполнилось тридцать пять лет...*»

...Отсюда, кстати говоря, и широко распространенная легенда в Латинской Америке о «тысяче сыновей Фиделя Кастро», будь земля ему пухом, хотя бы он и был кремирован...

Итак, Испания незримо, подспудно во всей латиноамериканской истории и жизни. И было бы удивительным, если потомки испанских переселенцев в Латинскую Америку утратили родовую, генофенотипическую, выражаясь языком социобиологии, память и базовые черты характера. Здесь-то и следует искать истоки «одиначества Латинской Америки», как во многом, если не в основном, производные от исторического одиночества... *самой Испании* в среде европейских народов. Это только внешне кажется парадоксом, но нужно только чуток подумать и взвесить все *pro et contra* (лат. «за и против»).

Чего только не сказано и не написано, причем как истина в последней инстанции, о пресловутом «трехсотлетнем ордынском рабстве» русской нации — и все с тем уклоном, что-де эти триста лет изолировали Россию, обрекли ее *на одиночество* в семье европейских народов и последующее, уже невозможное, отставание от этой «семьи» во всем: от науки, философии и промышленности до современных архивностей западной цивилизации: вседозволенности гомосекса и господства в <ущербных> умах единой сейчас «общечеловеческой ценности»: доллара и евро...

Все это смешно в ретроспективе. Во-первых, от этих трехсот пресловутых лет смело отсекаем ровно век от Куликовской битвы в 1380 году до «Стояния на Угре» в 1480 году, когда де-факто ига уже не было, но только настороженное сосуществование Московско-Тверского союзного княжества и Сарайского ханства. Да и в предыдущие двести лет Русь являлась не пленником Орды, но союзным же ей государством Улусом Джучиевым: исправно платила госналог баскакам, согласовывала с Сараем назначение русских князей, а Орда «отрабатывала» все это военной помощью: псов-рыцарей на Чудском озере Александр Невский разгромил с участием татарской конницы; она же присутствовала и в войске Дмитрия Донского: сепаратист Мамай со своими генуэзскими наемниками равно был лютым врагом и Москвы, и Сарая. Впрочем, отсылаем читателя за подробностями к Ключевскому, Льву Гумилеву, а из писателей-историков к «Памяти» Чивилихина. Только Костомаров и Карамзин здесь не помощники: они уже писали свои истории, как бы сейчас сказали, «по соцзаказу». Сомнителен здесь и Соловьев...

Это мы к тому вспомнили древних предков наших добрых сограждан татар (теперь и в Крыму...) и дружественных, особенно во времена СССР, монголов, что кичливой Европе неча на зеркало пенять или соринку в чужом глазу замечать, к каковой питают нежное доверие вечно неизбывные наши «западники» от исторической науки, это которые с «либерализмом головного мозга».

Проще и прямо говоря, наше постоянное догонянье Европы вовсе не Ордой объясняется, но тем, что русская цивилизация (государственность + религия) очень мо-

лода, ей всего лишь тысяча лет, в то время как за Европой, начиная с античных времен, стоит трехтысячелетняя история. Но вернемся к одиночеству Испании.

♦ Именно эта история Европы, определенная консолидированность культурных и иных традиций, почти двухтысячелетнее христианство в общем-то ограниченном территориальном ареале и позволили в целом ей избежать этнографического и этногенетического (по Л. Н. Гумилеву) одиночества. Даже Германии и Италии, хотя бы окончательно моногосударственно они оформились лишь к началу последней трети XIX века.

И только Испания, без того полуостровная и отгороженная от Европы Пиринеями, это одиночество сполна испытала. Кстати, в романе Герсиа Маркеса в этом контексте прямая ассоциация опять-таки с испанской прародиной: после безуспешных попыток жителей Макондо, инициированных основателем города Хосе Аркадио Буэндия, обнаружить окрест себе другие людские поселения, но во всех своих экспедициях по сельве выходявших на берега «пенного, грязного, серого как зола» моря, все пришли к выводу: Макондо расположен на необитаемом полуострове...

Восемьсот лет мавританского владычества над Испанией, полутысячелетний период вытеснения захватчиков — реконкиста — и только на самом рубеже XV и XVI веков полное изгнание арабов в Северную Африку и евреев-сефардов в Голландию. Все это сопровождалось собственно формированием испанской нации, определенным смешением вестготов, первоначальных насельников Пиринейского полуострова, с маврами и сефардами, обособлением каталонцев и басков — вовсе не индоевропейской семьи народов. Наконец, переход из арианской формы христианства в ортодоксальный католицизм с созданием инквизиции... И как следствие такого одиночества, погружения в сугубо внутренние этнические процессы, — мощный пассионарный взрыв в XVI веке: колонизация всей Центральной и Южной Америки, захват Голландии, Португалии и значительной части Италии, появление владений в Африке и в Индокитае (Филиппины); Испания становится владычицей морей, потеснив Англию — до времени разгрома «Великой армады».

Все это в совокупности действия исторически сформировало испанский характер; «испанская грусть», как сказал уже наш советский поэт, хотя бы и по другому поводу. А вот Гарсиа Лорка по-испански и об Испании:

*Por las callejas
hombres embozados,
у en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
Oh pueblo perdido
en la Andalucía de llanto!*

(В переводе Марины Цветаевой:

*Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер.
Вращается денно,
вращается ноцно,
вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
в моей Андалузии
слезной...)*

...А спустя почти полстолетия, уже колумбиец Гарсиа Маркес написал «Сто лет одиночества»: тоже по-испански, также о грустном одиночестве, генофенотипически доставшемся в доминирующей черте национального характера от материнской Испании. Как, повторимся, Урсула — мать рода узнавала принадлежность родившихся ее близких и дальних потомков к семейству Буэндиа по печати одиночества на лицах младенцев.

Так что устоявшийся стереотип «Латинская Америка есть падчерица Европы» и определение Гарсиа Маркеса «одиночество Латинской Америки» приобретают историческую и социальную адекватность с поясняющим дополнением: испаноязычная Латинская Америка этногенетически в определяющих чертах национального характера своих жителей — потомков выходцев из материнской Испании в полной мере унаследовала выработанный в средневековой Испании архетип ощущения одиночества, который, в силу исторической отъединенности государств Центральной и Южной Америки в XVI — XX веках от магистральных путей прогресса цивилизации и культуры, возобладал и в социумной организации.

...Здесь мы опираемся на очевидность диалектического утверждения, которое можно сформулировать следующим образом: субъективизм индивидуального характера, суммируясь в национальном ареале, переходит в объективизм социума, понятно, при внешней гармонии с факторами эволюции этого социума — вовсе не обязательно позитивными, стимулирующими и пр.

Наконец, общность доминанты характеров испанцев и латиноамериканских их «семейных родственников», как непреложное ощущение одиночества, выявляющееся душевно и поведенчески, наиболее ярко в литературном плане просвечивается в творчестве Сервантеса и Гарсиа Маркеса, казалось бы, разделенных веками истории и Атлантическим океаном. Выше мы указали на сродство в принадлежности к почетной категории «автора одного романа», но ведь по качеству «одиночества» Дон Кихот Ламанчский и обобщенно — по шести поколениям рода и сугубым индивидуальностям — взятый Буэндиа есть братья-близнецы, какими были в «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй и Хосе Аркадио Второй — персонажи центральной части повествования и «середины» рода Буэндиа, которых дважды перепутали друг с другом: при их рождении и похоронах. Хотя бы они во взрослой своей жизни по характеру и внешнему облику стали очень даже различаться друг от друга.

Так и Дон Кихот с Буэндиа, каждый в развертывании сюжета своего романа, вроде и разнятся обликом и мотивацией своей жизненной устремленности, но... оба стали мировыми нарицательными именами *одиночества*. Именно сопоставлением Дон Кихота с Буэндиа мы и ставим *point sur les «i»* (понятно без перевода с фр.) в развиваемой выше генеалогии одиночества человека и социума от средневековой Испании к Латинской Америке Нового, да и Новейшего, вообще-то говоря, времени.

♦ Художественное, средствами литературного замысла и языка, отображение темы одиночества в романе Гарсиа Маркеса достигается рядом достаточно новационных, оригинальных приемов; впрочем, автор не стремится выходить за рамки традиционных канонов романтической литературы. То есть творческая манера *мистического реализма*, к которой в литературоведении относят произведения Гарсиа Маркеса, да и сам он не имел ничего против такой «привязки», суть дальнейшее продолжение и развитие испанской <опять же!> литературной традиции органичного сочетания реальности и «реалистичной фантазии», если можно так сказать. Опять же у Сервантеса в сюжетных действиях Дона Кихота такое сочетание — обычный литературный прием; достаточно вспомнить его бой с ветряными мельницами и пр. То есть никакие современные «фэнтази», «фикшны», «нон-фикшны» и прочие извращения литературного скудоумия, как следствия преобладания в нынешних мозгах «компью-

терного мышления» (см. выше ссылку на Т. 10 нашей «Феноменологии ноосферы»), не следует даже и пробовать сопоставлять над ставшим уже давно академическим мистическим реализмом — от Сервантеса до Гарсиа Маркеса в испаноязычной литературе.

Основной литературный прием акцентации одиночества в романе использован автором как заикленность повествования в развертывании сюжетных линий; оно же заикленность и свертываемость социобиологического времени; снова отсылаем к нашей сноске выше на Т. 14 «Феноменологии ноосферы». — И все это в книге от личностной субъективности персонажей, как было сказано уже, обобщается на сугубую объективность социумного, далее всемирного в рамках эволюции человечества, *этнозаикливания*.

«Первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи», — наконец-таки, прямо перед ураганом, уничтожившем городок Макондо, всех его обитателей и последнего из рода Буэндиа, этот последний Аурелиано все же успел расшифровать написанный на санскрите (буквы азбуки Деванагари нанизаны на верхнюю черту словно разносортное белье развешано на веревке...) древним цыганом Мелькиадесом текст. Большой круг шестипокленной семьи Буэндиа символично замкнулся. Символично, ибо если основатели рода Хосе Аркадио Буэндиа и Урсула являлись кузенными братом и сестрой и долго не решались завести детей, опасаясь, что в результате родятся кровосмесительские дети со свиными хвостиками, то сын Аурелиано-последнего и Амаранты Урсулы, причем они не знали, что являются племянником и теткой, как раз и родился с таким атавизмом и тотчас после родов был утащен «собравшимися со всего света муравьями». По замыслу автора романа символ кровосмешения суть все то же одиночество, а обреченные на него роды, города, социумы предназначены на исчезновение из памяти истории. Этим утверждением, как уже было упомянуто выше, Гарсиа Маркес и завершает книгу.

Урсула — мать рода Буэндиа, само олицетворение стихийной мудрости, не устает отмечать, что время идет по кругу, то есть заикливается. Оно же, как размышляет уже ослепшая Урсула, сжимается в единую для одномоментного восприятия картину, на которой все «сто лет одиночества», все шесть поколений семьи Буэндиа, вся вековая жизнь Макондо и в целом страны с восстаниями, войнами, нашествием банановой компании, замершим в сухопутной сельве старинным испанским галеоном собраны воедино. — Своего рода круговая диарама, на которой все действия стянуты в единое время. Такой одномоментный обзор долговременных в действительности событий в психологии мышления принято называть «кувшином Магомета»: не успеет еще вылиться вода из опрокинутого кувшина, как в памяти человека оживут все, даже мельчайшие, события его прошлой жизни...

Заикливание времени, его стягивание в одномоментность — это динамическая, она же и статическая, характеристика любого одиночества. Оно не имеет ни тенденции, ни качества выхода за свои узкие пределы. В самих именах шести поколений рода Буэндиа, постоянно повторяющихся, автор прямо-таки дидактически, назидательно показывает этот ареал одиночества: Хосе Аркадио, Урсула, Аркадио, Аурелио, Аурелиано, Амаранта, Ремедиос, Амаранта Урсула — вот и весь набор имен в роду Буэндиа, заикленный во времени появления все новых поколений. Это как в сакральных числах, замкнутых на себя самих. Как число тридцать шесть ($1 + 2 + \dots + 36 = 666$) — второе из «чисел дьявола», которое Гарсиа Маркес упоминает в романе в этом сакральном его значении...

А вот имена женщин, «пришлых» в род Буэндиа, как Фернанда, Санта София де ла Пьедад, Ребека, или сожительница Аурелиано Второго Петра Котес, или «поставляющая» в семью Буэндиа детей от мужчин Буэндиа Пилар Тернера, не повторяются.

они тоже из клана одиночества, но не рода Буэндиа, одиночество которого — сюжетный стержень романа.

♦ Может и зря мы не совсем одобрительно в начале данного эссе отнеслись в оценке «Ста лет одиночества» литературоведами, что-де слишком обще берут, определяя одиночество как социальную, во многом и сугубо биологическую, диалектически обусловленную коллизию индивидуума и социума, разноустремленность их мотиваций. В общем-то все это так, все верно. Мы здесь и выше только следуем дедуктивному основанию логики: от <правильных> общих суждений к <тоже правильным> суждениям частным. Итак, есть одиночество социума и одиночество человека индивидуального.

Казалось бы, парадокс нынешней исторической эпохи: с одной стороны, все мы сейчас находимся на пике глобализации*, доселе в подлунном мире невиданного объединения людей и государств в единый мировой социум, с другой же — еще в большей степени неизвестное когда-либо одиночество человека. С ним-то все понятно: молох глобализации все более ускоренно и неумолимо превращает бывшую *личность* в безликий винтик-болтик всемирной «биотехнической» машины: пока еще в чем-то узком востребованные мозги человека плюс технические виртуальные телекоммуникационные сети, многослойно оплетшие земной шарик...

И социумы, понимаемые пока еще по старинке как объединенные исторически и национально этносы, увы, следуя все тому же парадоксу глобализации, становятся субъектом одиночества. Та же Россия нынешняя — здесь опять «впереди планеты всей». Здесь и говорить что-то излишне: все и так на виду и на слуху.

А художественное отображение темы вселенского одиночества — роман Гарсиа Маркеса — потому и создан на века.

«Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Послание к Галатам; 6:8).

* Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 460 с.